

ПРОЛОГ

— Товарищ старший лейтенант, у нас же, — рядовой Звягинцев посмотрел на наручные часы, — последние сутки командировки пошли.

— Ну и что? Я знаю. И всегда, кстати, знал, что последние сутки командировки когда-то должны наступить. Ничего бессрочного не бывает. Все в этом мире имеет свое начало и свой конец.

— Через двадцать три часа сорок пять минут будет ровно шесть месяцев, как мы в Дагестане. Конец командировки.

Старший лейтенант Сергеев тоже посмотрел на свои часы, предварительно, как и солдат, отодрав с них липкую ленту, а потом наклеив ее снова.

— У твоих часов двух камней не хватает.

— Это почему? — не понял рядовой. Видимо, не был знаком с этой расхожей шуткой.

— На один камень часы положить, а другим сверху ударить. Они у тебя на четыре минуты

вперед бегут. В боевой обстановке неточное время может тебя когда-нибудь подвести. Или, что еще хуже, ты сам можешь подвести кого-нибудь, кого должен будешь выручить в строго назначенный момент.

— Понял. Часы постараюсь сменить. А что с командировкой?

— А ты что хочешь, в самом начале боя бросить дурную привычку стрелять в бандитов и пешим маршем, под боевые бравурные песни возвращаться в военный городок? Бандиты, думаю, тебе «громадное спасибо» за такое нововведение в армии скажут.

— Так что, до конца будем операцию проводить? Солдату, видимо, нужно было все разжевывать и в рот класть. Бывают такие особо одаренные люди, и они встречались Сергею Николаевичу.

— Долго тебе суть объяснять придется... — отмахнулся Сергеев и дал короткую отсеченную очередь из автомата в неудачно высунувшуюся из-за камня голову бандита.

Сам бандит, видимо, думал, что он высунулся удачно, потому что желал посмотреть вперед не над скрывавшим его камнем, а сбоку в самом низу, рядом с землей, и надеялся остаться невидимым в вечернем сумраке. Но он, видимо, не знал, что

спецназовцы имеют на автоматах прицел «Шахин», снабженный тепловизором, улавливающим все тепловые тела и делающим из них превосходную мишень. И хотя бандит, надо полагать, думал высунуть голову только на пару секунд, но, всматриваясь в темноту, задержался дольше. И Сергей Николаевич успел послать в его голову две пули. Возможно, и еще кто-то из бойцов стрелял по той же мишени. Один фонтанчик земли рядом с этой любопытной головой командир взвода увидел. Такой фонтанчик поднимается, когда в землю попадает пуля. А в отсеченной очереди автомата «АК-12» два патрона. Но второго фонтанчика не было. По крайней мере, старший лейтенант его не заметил. Следовательно, логично было предположить, что вторая пуля цель нашла и в голове бандита вместо двух пулевых отверстий имеются три. Но это было не суть важно, главное, что бандит убит. Сергеева беспокоило то, что голова вдруг резко пропала, вместо того чтобы обессиленно упасть рядом с камнем. Значит, за камнем прятался еще кто-то, и он за ноги дернул на себя тело убитого, чтобы не мешало вести бой. А возможно, за камнем остались даже два бандита. Потому что одному так резко втащить тело в непростреливаемую зону сложно. Тем более размеры камня позволяли

за ним спрятаться не только двоим, но и троим, и даже, возможно, четверым, хотя такое количество бандитов, спрятавшихся за одним камнем, маловероятно. Тогда чьи-то ноги наверняка выставались бы из-за камня и могли бы служить мишенью для бойцов взвода, расположившихся левее старшего лейтенанта. Особенно для снайпера сержанта Алексея Нассонова, который не любит упускать свою добычу. А стреляет Нассонов из крупнокалиберной дальнобойной винтовки «Корд», способной при попадании в корпус человека сбоку разрубать тело пополам. Там же, рядом со снайпером, разместился заместитель командира взвода старшина контрактной службы Сережа Кондратенко, который тоже не большой любитель оставлять бандитов в живых. А чуть ближе к командиру выбрал себе позицию командир второго отделения младший сержант Цыремпил Доржиев, сын и внук пастухов и охотников, который спал с охотничьим карабином еще в детской люльке, а сейчас был лучшим стрелком бригады спецназа военной разведки.

Зная, как умеет стрелять Цыремпил, старший лейтенант отдал команду по средствам связи:

— Напротив меня большой валун. Всем видно? Он у правой скалы у входа в ущелье.

— Видим, товарищ старший лейтенант... Видим... — ответил нестройный хор голосов в наушниках, интегрированных со шлемом.

— Нассонов, посмотри, может кто-то конечность вытянул. Доржиев, поддержи снайпера.

— Есть посмотреть... — отозвался снайпер.

— Есть поддержать... — ответил командир второго отделения.

Старший лейтенант и сам перевел ствол автомата в верхнюю часть камня, чтобы видеть в прицел пространство за ним, и заметил краем глаза, как сделал то же самое рядовой Звягинцев. По крайней мере, так Сергеев понял короткое движение его ствола. При этом сам Сергеев мысленно не забывал отсчитывать пресловутые секунды до выстрела снайпера. Вообще-то, снайперу отводится на прицеливание три секунды. Но Сергей Николаевич уже довел счет до четырех, когда понял, что сержанту Нассонову требуется еще найти ту конечность, если, конечно, она будет высовываться из-за камня.

— Что там, Нассонов? — спросил Сергеев, поторапливая снайпера, неторопливого и невозмутимого по жизни человека, то есть такого, каким снайпер и должен быть в идеале.

Но сержант не ответил. Вместо него прогрохотала винтовка «Корд», звук от выстрела которой прокатился по ущелью грозным эхом, заглушившим лязганье затвора автомата младшего сержанта Доржиева. А сам старший лейтенант Сергеев, наблюдая за камнем, успел заметить, как из-за него откинулся на спину бандит с оторванной ниже колена правой ногой, зажимающий остаток ноги двумя руками, но жил он недолго, потому что на неприкрытой бронезилетом груди бандита взметнулись два кровавых фонтанчика — это стрелял командир второго отделения, а следом и еще несколько точно таких же фонтанчиков взметнулись рядом на его груди и на голове. На сей раз стрелял рядовой Звягинцев из соседнего с командирским окопа.

Сам Сергеев не стрелял, как и другие бойцы взвода, полагаясь на умение Нассонова и Доржиева. В это время прозвучал второй выстрел «Корда». Зная точность стрельбы Нассонова, Сергеев не сомневался, что еще одним бандитом стало меньше. Старший лейтенант поднес к глазам бинокль — все-таки тепловизор бинокля, хотя и не дает такого приближения, как прицел, однако имеет больший угол обзора и позволяет увидеть, где лежит убитый снайпером бандит,

если только он не упал за камень сам или его до этого камня не дотащили сообщники. Но найти убитого старший лейтенант Сергеев не успел.

— Товарищ старший лейтенант, — торопливо сказал по связи старшина контрактной службы Кондратенко. — Нассонов, кажется, ихнего эмира «снял». Эмир на открытое место выскочил, ножом стал размахивать и что-то кричать на родном языке. Я не сумел толком разобрать, что именно. Язык еще плохо знаю. Да в тепловизоре многое еще смещается. Расплывается лицо, короче...

Сергеев знал, что Кондратенко умеет читать речь по губам. И еще командир взвода знал, что старшина изучает арабский язык. Выбор языка Сергеев одобрял и был даже рад, что Сергей Кондратенко изучает арабский, потому что большинство бандитов общались между собой именно на нем.

— Что-то, тем не менее, понял?

— Понял, что он в рукопашку пойти всех зовет, пока их поодиночке не «перещелкали». Последнее слово он по-русски произнес. Я правильно понял...

Старший лейтенант Сергеев прикинул силы. У него во взводе было двадцать семь бойцов, не считая его самого. Бандитов, учитывая их поте-

ри, осталось около тридцати человек. Силы почти равны, но спецназ военной разведки имеет преимущество, во-первых, за счет значительно уменьшения количества противников во время сближения, то есть во время атаки банды, а во-вторых, за счет тренированности в рукопашке, которую бойцы особенно любят, как прикладную систему, дающую им некоторые навыки, которые могут пригодиться и в гражданской жизни, то есть после окончания службы.

— Внимание всем! — сказал Сергей Николаевич в микрофон. — Бандиты готовятся к прорыву. Наша задача — не допустить прорыва. Ни один человек не должен пройти дальше нашей цепи. Начинаем стрелять, как только поднимутся. Необходимо максимально уменьшить общее количество бандитов. Дальше — всем приготовить МСЛ¹. Вступаем в рукопашный бой. Не забывайте помогать друг другу... Это не тренировка с резиновыми ножами и лопатками.

¹ МСЛ — малая саперная лопатка. Традиционное оружие спецназа, сочетающее в себе и топор, и нож, и штык одновременно. В спецназе военной разведки даже изучают отдельную дисциплину — «фехтование на саперных лопатках». Обычно лопатка носится в специальном чехле за спиной бойца и в случае необходимости легко достается одним движением руки.

Старший лейтенант и сам вытащил свою малую саперную лопатку и подушечкой большого пальца проверил боковую грань на остроту. Лопатку он всегда оттачивал сам, никому не доверяя ее заточку, хотя знал, что многие командиры взводов передоверяют эту работу своим заместителям, а те уже, в свою очередь, — солдатам, не забывая их предупредить, что лопатка командира взвода. Так, считалось, повышается ответственность бойца. Но о какой можно говорить ответственности, если, скажем, лопатка сегодня уже использовалась — старший лейтенант Сергеев рыл ею для себя окоп. Поэтому он и проверил на остроту только боковые грани, не проверяя грань штыковую, хорошо понимая, что бить лопаткой, как штыком, сегодня не следует. Использовать ее можно преимущественно как боевой топор. В умелых руках, если вкладывать в удар всю силу, МСЛ прорубает традиционный шлем, который с близкого расстояния не берет даже пистолетная пуля.

Сергей Николаевич положил лопатку перед собой на бруствер окопа, чтобы при необходимости можно было взять ее и выскочить наружу. Рядом с лопаткой он пристроил пистолет, чтобы и его пустить в действие в случае необходимо-

сти. А пока, в ожидании атаки бандитов, взялся за автомат.

Бандиты не заставили себя долго ждать. Нашелся, видимо, человек, который вместо убитого эмира взял на себя общее командование. Но сам пока не показывался, командовал из-за камня. Из этого старший лейтенант сделал вывод, что заместитель эмира или излишне бережно относится к своему брэнному телу, или же бережет от пули кого-то другого, важного для себя человека. Но этот вопрос Сергея Николаевича пока мало волновал.

Прозвучала команда, и банда поднялась в атаку. Бандиты бежали вперед несколькими кучками, видимо, как прятались за большими камнями, так и не успели рассредоточиться, или же сыграл свою роль стадный инстинкт. Когда-то давно, еще в военном училище, преподаватель по тактике объяснял значение этого инстинкта. Стадо быков, на которое нападает лев, стремится сбиться в кучу, но не потому, что так удобнее защищаться, а потому, что в каждом живом теле существует надежда, что зверь нападет на соседа, а не на него. Точно так же порой ведут себя плохо подготовленные вооруженные формирования. Бойцы, подобно быкам, сбиваются

в кучи, вместо того чтобы рассредоточиться, и так атакуют...

Сергеев выбрал кучу бандитов, что была к его окопу ближе, и стал посылать в нее очередь за очередью. То же самое, как успел заметить старший лейтенант, делал и рядовой Звягинцев, и другой рядовой, что расположил свой окоп слева от командира взвода. Три автомата быстро закончили работу и переключились на соседнюю кучку бандитов, что тоже бежала почти в их сторону. При этом сами бандиты не имели возможности определить, откуда в них стреляют, и хотя бы приблизительно назвать общее количество обороняющихся, поскольку самих выстрелов слышно не было за сплошным лязганьем затворов, а глушители добротнo выполняли функцию пламегасителей.

Атака банды была истеричной и плохо подготовленной, и было неясно, почему банда не отступила и просто не ушла на сопредельную территорию Грузии, в район компактного проживания чеченцев-кистинцев, откуда пришла, или хотя бы на территорию соседнего Азербайджана, откуда иногда приходят другие банды. Могло быть что угодно — и перекрытие пограничниками возможных путей отхода, и категоричный

приказ прорваться в глубину Дагестана, чего бы это ни стоило. А ведь бандиты даже не знали количество своего противника. Они только могли предположить, что выход из ущелья перекрывается ограниченными силами нескольких бойцов, скажем, одного рассредоточившегося широко отделения. И это отделение усилено антиматериальной¹ снайперской винтовкой «Корд». А винтовку они просто мечтали захватить. Банде, имеющей на своем вооружении антиматериальную винтовку «Корд», сам черт не страшен.

Пошел ли вместе со всеми в наступление новый эмир, Сергеев не знал. Но это его мало интересовало. У него была задача — не пропустить в глубину Дагестана ни одного бандита, и эту задачу он должен был выполнить.

Бандиты не осознавали того, что несли большие потери и им грозит полное уничтожение. Просто не видели этого, потому что не имели тепловизоров. До окопов отдельного взвода спецназа военной разведки едва-едва добежала

¹ Дальнобойная крупнокалиберная винтовка «Корд» считается антиматериальной, потому что в состоянии уничтожать материальные средства противника — легкую бронетехнику, стоящие на земле вертолеты и самолеты, РЛС разного уровня и предназначения.

только четверть всей банды. А уже около самих окопов группу накрыл гранатомет, сваливший на крутой склон, который они только что преодолели, еще четверых бандитов.

Старший лейтенант услышал, как гранатометчик сказал в микрофон своего шлема:

— Все быстро залегли. Я их гранатой накрою... Кто не спрятался, я не виноват!

До этого момента он сидел в своем окопе и вместе со своим вторым номером ремонтировал гранатометный прицел, слегка поврежденный шальной бандитской пулей. Он еще не сделал по бандитам ни одного выстрела, потому они, наверное, и подумали о слабости заслона.

— Завершил ремонт? — строго спросил Сергеев.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант. Без прицела стрелял. Прямой наводкой. На ремонт еще полчаса требуется, — браво ответил гранатометчик.

Сергей Николаевич ничего не сказал, он с лопаткой в правой руке и с пистолетом в левой первым бросился к четверке оставшихся на ногах бандитов. Они после крутого подъема, который им пришлось преодолеть, дышали тяжело. И Сергеев решил воспользоваться этим момен-

том, дающим возможность добиться победы без жертв среди бойцов взвода. Жертвы в личном составе всегда обидны, а в последний день командировки обидны вдвойне или даже втройне. И без того в госпитале в Моздоке лежали три бойца взвода. Это уже было значительной потерей, и не хватало только взводу дополнительных потерь.

— Сдавайтесь! На колени! — крикнул Сергеев бандитам.

— Аллаху акбар! — только и воскликнул в ответ ближайший к старшему лейтенанту бандит и поднял перед собой на уровень лица Сергеева длинный нож-кукри¹, за что сразу поплатился, получив пулю в волосатую грудь. Бандит упал, и только луна ярко отражалась в его недавно выбритой лысине.

Сергеев переступил через упавшего и шагнул навстречу трем оставшимся в живых бандитам. Все трое понимали, что жить им остались какие-то секунды, но умирать на коленях они не желали, и Сергеев, увидев перед собой три выставленных вперед ножа, дважды выстрелил из пи-

¹ Нож - кукри — национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани.

столета и при этом сделал кистью второй руки, в которой держал лопатку, вращательное движение и попросту перерезал сухожилия третьему бандиту рядом с самой его кистью. Нож упал к ногам старшего лейтенанта, а бандит схватился второй рукой за поврежденную руку, пытаясь остановить кровь. Автомат у бандита остался за плечом, но он понимал, что при попытке прикоснуться к нему его ждет либо одна пуля из пистолета командира взвода, либо несколько из автоматов окруживших его солдат спецназа.

Поскольку бандит пытался остановить кровотечение и не желал прикасаться к автомату, чтобы не быть убитым, старший лейтенант сделал вывод, что этот человек не желает умирать, как его товарищи, и из него можно сделать ценного «языка», которого не грех допросить и узнать у него что-то важное.

— Где тот человек, что объявил себя эмиром, где он? — резко спросил Сергеев. — Санинструктор! — тут же позвал он.

— Я, товарищ старший лейтенант.

Взводный санинструктор шагнул из толпы к командиру взвода. На боку у него висела сумка с красным медицинским крестом в белом круге. Пленник жадно смотрел на эту сумку.

— Перевяжи ему руку. И укол поставь для сворачивания крови...

Пленник показал, что отлично понимает русский язык, и протянул санинструктору руку.

— Где новый эмир? — повторил Сергеев свой вопрос, рукой с пистолетом, как шлагбаумом, временно перекрывая санинструктору дорогу к пленнику.

Пленник понял, что убивать его не собираются. По крайней мере, пока. А для человека, уже простившегося с жизнью, каждая лишняя секунда этой жизни является подарком небес.

— Там... — здоровой рукой он указал в ущелье, по которому пришла банда. — За камнем прячется. В атаку он не пошел. Бережет себя. Сейчас, наверное, уже убежал...

— Кто с ним? Сколько человек?

— Двое. Один — его помощник. Второго я не знаю. Его надо было до Махачкалы доставить. Судя по внешности, европеец, а по манере поведения — американец.

— В чем их различие?

— Американцы ведут себя наглее и обычно одеваются крикливо. Но этот одет аккуратно, как европеец.

— Потому и шли сюда? Из-за него.

— Да.

— Что за человек?

— Я же говорю, не знаю. По-арабски разговаривает свободно. По-английски тоже. И по-немецки, и по-французски, и даже по-итальянски. Образованный, похоже...

— Откуда знаешь?

— В Грузии посещали американскую лабораторию. Там специалисты из разных стран — все натовские. Он с ними разговаривал. Мы ничего не поняли. Но я на слух определил, что он разговаривал на разных языках.

В это время Сергеев услышал шум вертолетного двигателя в небе.

— Кондратенко! — позвал командир взвода.

— Я! — шагнул вперед из заднего ряда старшина контрактной службы.

— Вертолет нам смену несет. Срочно найди большую площадку для посадки «МИ-26». Судя по звуку, именно он летит. Выставь людей с фонарями. Объясни, что светом показывать. Короче, ты все знаешь сам... И поторопись. Вертолет уже близко, — старший лейтенант поправил на шлеме микрофон. — Остальным готовиться к погружке. Пленного берем с собой. Ему в госпиталь

надо срочно. Сухожилия сшить. Охрану к нему приставить.

Пленник внимательно слушал. Судьба его жизни, судя по всему, уже решилась. И теперь решался вопрос: будет ли работать его рука? А это было для него важно...

* * *

Собрались быстро. Экипаж вертолета молча выслушал мнение о необходимости посетить военный городок спецназа, где была собственная медицинская часть. После чего на земле остался только Сергеев, объяснявший что-то командиру нового взвода лейтенанту Самохвалову. Но вскоре и он заскочил в вертолет. Машина сразу взлетела, поскольку стояла с работающими двигателями.

Сергеев сразу принялся на офицерском кожаном планшете писать рапорт о проведенной операции. Иначе ему пришлось бы потом набирать этот рапорт на компьютере и отправлять один экземпляр в штаб отряда, второй — в штаб собственной бригады по электронной почте. Но старший лейтенант печатал медленно и потому предпочитал писать вручную, так получалось и быстрее, и более грамотно. А почерк у Сергеева

был разборчивый, хотя и мелкий. Но у начальника штаба сводного отряда майора Одуванчикова зрение хорошее, он еще и очки не носит — разберет.

По воздуху до военного городка добрались быстро. Пилоты, видимо, сообщили о своей посадке и о своем грузе диспетчерам, а те, в свою очередь, в штаб, дежурному. По крайней мере, машина армейской «скорой помощи», как звали ее в отряде, подъехала к вертолету сразу после посадки, и первым из нее выскочил начальник штаба отряда майор Одуванчиков, удививший командира взвода тем, что не спит еще в такое позднее время. Пока вертолет заправляли горючим и потому всех, кроме членов экипажа, высадили на летное поле, старший лейтенант в общих чертах рассказал майору об удачной операции и о том, что он отправил за новым эмиром и сопровождающими его людьми погоню из состава нового, уже уставшего отдыхать взвода, и вручил начальнику штаба свой рапорт в рукописном варианте.

— Вместе с вами полетит капитан Варфоломеев. Вы же из одной бригады. Слышал, я думаю, его историю...

— Слышал, товарищ майор. Мы же даже из одного батальона. И в Сирию с ним вместе отправлялись. И в одну историю там вместе вляпались. Вы же ее должны знать из наших характеристик. Короче говоря, давно и хорошо знакомы. Жалко его. Человек ведь армии почти всю жизнь отдал. А теперь что — трибунал...

— Ничего не могу поделать. Я и так написал ему характеристику — хоть завтра в маршалы его... Самому жалко... Боевой офицер. Грамотный.

Капитан Варфоломеев командовал в сводном отряде разведротой, сменившей по ротации роту, которой некогда командовал тогда еще капитан Одуванчиков. Самому Одуванчикову присвоили звание майора, прежнему начальнику штаба майору Смурнову дали подполковника и поставили командовать отрядом взамен получившего серьезное ранение подполковника Репина, и оставили Смурнова и Одуванчикова на четырехмесячный испытательный срок в отряде... А тут как раз в период испытательного срока новых командира отряда и начальника штаба произошла история с капитаном Варфоломеевым, который расстрелял бандитов вместе с главой сельской администрации, посчитав его со-

участником преступлений и членом банды. А он, как потом оказалось, был просто захвачен бандой в качестве заложника. Теперь Варфоломееву грозил трибунал и обязательное разжалование, как говорили, в рядовые. И исполняющий обязанности начальника штаба майор Одуванчиков, наплевав на свой испытательный срок, написал капитану Варфоломееву хвалебную характеристику.

— Ты уж это... Поаккуратнее с Володей... Не напоминай ему лишнего... Он и без того... Сам понимаешь... — напутствовал Сергеева майор Одуванчиков.

— Я постараюсь, товарищ майор... Мы же с ним друзья...

* * *

До Каспийска капитан Варфоломеев летел в самой дальней стороне салона большого вертолета и не желал приближаться ни к Сергееву, ни к бойцам его взвода. Сергей Николаевич понимал его состояние и думал, что он будет держаться в отдалении и в самолете спецрейса, которым взвод возвращался к себе в бригаду, и потому сам на разговор с Варфоломеевым не напрашивался. Но капитан, поднявшись по

трапу в самолет, осмотрелся, прошел в середину салона и занял место рядом со старшим лейтенантом. Видимо, на душе у него накопело, и он желал хоть с кем-то поговорить на волнующую его тему, чтобы сбросить, как говорится, лишний пар. И для этой цели он избрал не солдат-срочников или солдат-контрактников, а того, кого считал равным себе, а именно — старшего лейтенанта Сергеева. От Варфоломеева пахло спиртным, а в состоянии подпития человека тем более тянет на откровенность

— Ну что, Сереня... — сказал Варфоломеев, ставя себе на колени свой рюкзак и развязывая его. — Примем, что ли, за нелегкую нашу службу...

Он движением циркового фокусника вытащил из рюкзака бутылку водки и, уцепившись зубами за пробку, резким поворотом головы сорвал ее с горлышка.

— Извини, Володя, не употребляю. Вообще то есть не употребляю. Да и ты раньше, кажется, не пил.

— Брезгуешь, что ли, со мной выпить? — Варфоломеев спросил тоном человека, которому не терпелось поскандалить. По крайней мере, вызов в его словах прозвучал отчетливо.

Но Сергей Николаевич был настроен мирно и на скандал не нарывался. Он даже измученно улыбнулся Варфоломееву и сказал успокаивающе:

— Ты пей, Володя, сам. Тебе одному-то, наверное, сейчас бутылки мало.

Но капитан не унимался.

— А ты за меня не решай, сколько мне пить! Захочу — и не буду... — Он вытянул перед собой руку с бутылкой и стал выливать водку в большой карман чехла кресла перед собой, в кресле сидел старшина Кондратенко. В кармане чехла лежал в сложенном состоянии столик, который можно было бы потом установить в подлокотники кресла капитана Варфоломеева, но пока это капитана не волновало. А водка по поверхности столика стекла, минуя само кресло, на пол, и коврик под ногами сразу впитал ее, издавая отчетливый характерный запах спиртного.

Услышав за спиной бульканье выливаемой водки, замкомвзвода обернулся, но тут же уловил успокаивающий взгляд своего командира взвода и отвернулся. Капитан не заметил, что замкомвзвода обернулся, из чего Сергеев сделал вывод, что Варфоломеев в самом деле основательно пьян — офицер спецназа военной раз-

ведки, даже если выпил, обязан контролировать ситуацию вокруг себя. А Варфоломеев и этого сделать был не в состоянии.

— Чего смеешься? Надо мной смеешься?

— Я не смеюсь, а просто улыбаюсь... — Сергеев в самом деле улыбнулся. — Забавно будет завтра в туалете мой старшина пахнуть!

— А? — спросил Варфоломеев и, упираясь двумя руками к подлокотники кресла, приподнялся, чтобы заглянуть в кресло перед собой. — Да ну и хрен с ним, пусть пахнет хоть на неделю вперед... А у меня еще бутылка есть. Будешь?

— Извини, Володя, не употребляю... — повторил Сергеев и с удовольствием отметил про себя, что Варфоломеев закрыл глаза, устроился поудобнее, ввинтив зад в кресло, и тихо засопел, засыпая...